

А. С. КУШНЕР,

поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии

ПРОПОВЕДЬ ДЕЙСТВИЕМ

Послушав нас, можно подумать, что все замечательно: имя Дмитрия Сергеевича Лихачева не подвергается никакой критике и злобному поношению, все его любят, вспоминают с благодарностью. Между тем это не так. В последнее время мне пришлось прочесть в наших изданиях, в том числе в таком уважаемом издании, как газета «Дело» (газета петербургских демократов), статью, обличающую Дмитрия Сергеевича. Автор статьи Михаил Золотоносов называет Лихачева ненастоящим ученым и сомнительным общественным деятелем, присвоившим себе роль руководителя интеллигенции, нации, ее совести, нравственности и т. д.

Возмутиться мало, хочется понять, в чем дело. Аргумент, как я понимаю, у этих критиков, видимо, таков: замечательно то общество, которое не нуждается в таких людях, как Лихачев, общество самодостаточное, живущее само по себе, по определенным законам. Но я хотел бы спросить: обходилась ли Россия когда-либо без таких людей? На память приходят и Белинский, и Чернышевский, и Тургенев, и Толстой, и Некрасов, и Достоевский и другие личности широкого идеологического спектра, абсолютно необходимые русскому обществу. Не могу себе представить Россию, например, без морального учения Толстого. Оно вызывало разные отношения, но, бесспорно, было событием.

Дмитрий Сергеевич представляется мне человеком тургеневского, либерального склада, если искать соответствие в XIX веке.

Западное общество тоже не обходится без таких людей: Альберт Эйнштейн, Генрих Белль, Томас Манн... Необходимость в них возникает в трудные исторические периоды, например такие, как послевоенные годы в Германии, эпоха гитлеризма, когда требовалось сопротивление и противостояние. Невозможно представить историю Германии, связав ее только с именами Геббельса или Риббентропа.

Сегодня идет атака на каждого выдающегося человека. Для российских «критиков» невыносима любая крупная, незаурядная личность. Подобные нападки нередки сегодня и в музыкальных кругах, и в литературе. Также было с Ростроповичем, о чем недавно рассказал Геннадий Рождественский. Мне кажется, наши чтения призваны противостоять бессовестным измышлениям и наветам.

М. Золотоносов называет Лихачева «умеренным националистом». Французам можно любить Францию, англичанам — Англию, израильтянам — Израиль, а русским почему-то любить Россию нельзя, — они сразу становятся «умеренными националистами». Критик Виктор Топоров назвал Дмитрия Сергеевича «всесоюзным старостой», уравнивая его с Калининым, и, следовательно, подвергнув сомнению его порядочность и выстраданное в Соловках право на доверие честных людей.

Конечно, можно вспомнить прелестные слова поэта Гумилева, который как-то сказал своей жене: «Анечка, отрави меня, когда я начну пасти народы». Понятно, что он имел в виду: когда великий человек начинает толь-

ко учить и поучать, а больше ни на что уже не способен, он становится смешон. Очевидно, что Дмитрий Сергеевич до конца оставался человеком науки, писал книги. Никто, никакая партия не назначали его на должность «общественной совести», и, уж конечно, не он ее выбирал. Мы должны отдать должное нашему обществу, народу, выбор которых пал на Дмитрия Сергеевича. Ведь могли остановиться на ком угодно — любом Пугачеве (таких Пугачевых хватает в нашей истории), соблазниться Ампиловым или Баркашовым. Великое счастье, что сердца людей привлекли Дмитрий Сергеевич Лихачев, академик Сахаров, Солженицын и Ростропович. На мой взгляд, это внушает оптимизм. Что касается «критиков», то их в Соловках не держали и на лестнице родного дома, как Лихачева, не избивали... Но я могу представить их, например, в конце 20-х годов: они были бы правоверными рааповцами.

Я был знаком с Дмитрием Сергеевичем, бывал у него дома. Замечательно, что как ученый, занимавшийся древнерусской литературой, он всегда имел в виду не только прошлое, но и современность, современную литературу. Его научные работы представляют собой разомкнутое пространство, а книга «Поэтика в древнерусской литературе» полезна сегодняшнему поэту и прозаику.

Дмитрию Сергеевичу благодарны многие мои товарищи, например Виктор Соснора, книга которого вышла в те годы, когда это трудно давалось, может быть, как раз благодаря вступительной статье Дмитрия Сергеевича. Я знаю поэта Игоря Шкляревского, переложившего «Слово о полку Игореве» на

современный рифмованный стих, — он был очень дружен с Дмитрием Сергеевичем, признателен ему. Иосиф Бродский расспрашивал меня в Соединенных Штатах в конце 80-х о Дмитрии Сергеевиче очень заинтересованно: незадолго до того он прочел переписку Грозного с Курбским и комментарий к ней Дмитрием Сергеевичем. Его это волновало, совершенно точно, — без каких-либо искажений моей памяти и преувеличений.

В тяжелые для меня времена начала 80-х годов Дмитрий Сергеевич (я не был с ним тогда знаком) написал обо мне статью и опубликовал ее в журнале «Литературное обозрение», потому что на меня тогда «давил» обком КПСС. Г. В. Романов заявил на собрании «творческой интеллигенции»: «Если ему здесь не нравится, пусть уезжает». Дмитрий Сергеевич об этом знал. И я никогда не забуду этого: с какой стати ученому, занятому своим делом, заступаться за какого-то сегодняшнего человека, пишущего стишки? Потом уже, общаясь с ним, я узнал, как он любит стихи. О Фете мы с ним говорили у него дома, он наизусть читал его в 80 с лишним лет; волновался при этом, как-то очень светлел. И я вдруг видел, каким он был в молодости, потому что подлинная, ненаигранная любовь к стихам дается человеку смолоду и на всю жизнь. Лихачев входил в редколлегию «Библиотеки поэта» и много сделал для этой серии, которая выпускает в основном сборники стихов поэтов XIX–XX веков, — тем не менее для него это было очень важное дело. В конце концов, его «Поэзию садов» тоже можно назвать книгой стихов. В этом смысле он был не ученый-сухарь, а живой, любящий поэзию человек.